
ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Область сомнений

«Я знаю...» — мы довольно часто берем на себя смелость с уверенностью произносить эти слова. «У меня нет ни тени сомнения — я совершенно точно знаю...» — и обычно подкрепляем свое мнение таким весомым доводом.

Вместе с тем, если у нас нет больших оснований для уверенности, мы вынуждены подбирать менее категоричные формулировки вроде: «я думаю», «я верю», «я считаю», «по моему мнению». И в таких случаях, высказавшись по какому-то вопросу, мы предпочитаем добавить: «У меня есть причины предполагать, что это верно».

Грань, разделяющая зону уверенности и область сомнений, очень тонкая, если не сказать уязвимая. Но критерии, по которым она проводится, вполне доступны нашему пониманию. Трудность возникает, когда мы пытаемся применять их в конкретном случае, чтобы определить, относится ли наше представление о нем к области сомнений или зоне уверенности. Рассмотрим эти критерии.

К области уверенности относится суждение, если: 1) его истинность нельзя поставить под сомнение даже после обнаружения новых фактов в результате дополнительных или улучшенных наблюдений; 2) в нем невозможно обнаружить ошибок и несоответствий в ходе логических рассуждений. Такие суждения не подлежат критике и сомнениям и являются бесспорными.

К области сомнений относится суждение, если: 1) его истинность можно оспорить при помощи новых фактов или более точных наблюдений; 2) его можно опровергнуть, используя более логичные и последовательные рассуждения.

В качестве примера я опять обращаюсь к суду присяжных, которому на основании представленных доказательств надлежит принять конечное решение о вине подсудимого. При рассмотрении уголовных дел суд руководствуется критерием доказанности «при отсутствии обоснованного сомнения». Но это не гарантирует, что вердикт присяжных обязательно будет лежать в области уверенности.

Тем не менее присяжные должны вынести решение, в котором у них нет причин сомневаться, то есть нет для этого рационального основания. При принятии вердикта присяжные учитывают все показания свидетелей и аргументы, представленные с обеих сторон — защиты и обвинения.

На момент вынесения первого вердикта критерий доказанности, возможно, и был «вне пределов обоснованного сомнения», однако решение присяжных нельзя назвать неоспоримым, то есть вне всяких сомнений, поскольку приговор может быть опровергнут в свете новых фактов, а его выполнение может быть приостановлено в связи с подачей апелляции и выявлением судебных нарушений, повлиявших на ход обсуждения дела и на интерпретацию присяжными представленных доказательств.

В судебном процессе по гражданскому делу решения принимаются «при наличии более веских доказательств», то есть вердикт присяжных означает только то, что одна из сторон располагает фактами, у которых более высокая вероятность правоты. После анализа и обсуждения всех предоставленных доказательств присяжные понимают, что свидетельства в пользу одной из сторон перевешивают. В этом случае, как и в ходе уголовного слушания, иногда дополнительные обстоятельства приводят к изменению приговора — это и вновь открывшиеся улики, и подача апелляции в связи с воздействием на суд присяжных. Баланс сил может смещаться в любую сторону.

Многие принимаемые нами решения похожи на вердикты присяжных тем, что находятся вне пределов обоснованного сомнения или базируются на более веских доказательствах. При этом в практических целях мы считаем собственные соображения, выработанные «при отсутствии обоснованного сомнения», настолько вероятными, что приписываем их зоне уверенности. Мы начинаем действовать на основании своих мнений без тени сомнений, хотя в будущем нам могут открыться

новые обстоятельства или ошибки в наших рассуждениях. В свете всех представленных нам доказательств и проведенной нами мыслительной деятельности у нас нет оснований полагать, что такие суждения могут не быть истинными. Тем не менее необходимо помнить, что наша уверенность не делает их неоспоримыми и не выводит их из области сомнений.

Существенная разница между подлинной уверенностью и практической достоверностью — так называемым внутренним убеждением — заключается в окончательном и неоспоримом характере истинных представлений. Действуя в практических целях, мы полагаемся на суждения, имеющие высокую степень вероятности, как если бы они были истинными. Тем не менее наши суждения остаются всего лишь мнениями, которые можно корректировать, оспаривать и критиковать. Возможно, в будущем мы поменяем свою точку зрения относительно истинности таких суждений.

В повседневной деятельности: в семейной жизни; в уходе за собой и своим здоровьем, в профессиональных занятиях и карьерном продвижении; во всех финансовых операциях, особенно при капиталовложениях; в принятии политических решений, в частности касающихся внешней политики и международных отношений, — во всех своих делах мы руководствуемся не теми соображениями, которые находятся вне пределов обоснованного сомнения, но кажущимися наиболее вероятными. На основании свидетельств, доступных нам на данный момент, и исходя из твердых убеждений, сформировавшихся на данное время, мы считаем, что наши мнения имеют большой шанс оказаться истинными.

Обратите внимание на такие уточнения, как «на данный момент» и «на данное время». Они напоминают, что в будущем у нас могут появиться более веские доказательства или более логичные рассуждения, которые сделают противоположный вариант более вероятным.

Область сомнений — это сфера таких суждений, у которых, чтобы ни случилось, есть будущее. При принятии окончательных и бесспорных решений все происходит ровно наоборот.

Перейдем от суждений, которыми мы руководствуемся для принятия практических жизненных решений, к результатам исторических

исследований, открытиям, гипотезам и теориям эмпирических наук и отдельных направлений математики. Многие научные факты преподносятся нам как бесспорные, но к ним тоже следует применять критерии, относящиеся к области сомнений. Понимаю, что это предложение может возмутить тех, кто привык проводить жесткую грань между научными знаниями и досужими суждениями, кто всю жизнь воспринимает историю, математику и естественные науки не как набор частных мнений, а как сферу организованных знаний.

Для таких людей слова *знание* и *правда* неотделимы друг от друга, фактически они считаются синонимами. Неверных знаний — в отличие от неправильного мнения — быть не может. Выражение «истинное знание» избыточно, а выражение «ложное знание» — оксюморон.

Однако даже люди, придерживающиеся подобных взглядов, не отрицают научный прогресс. Более того, они с радостью рассказывают, как та или иная дисциплина продвинулась вперед благодаря новым открытиям, эффективным исследованиям, осуществлению смелых гипотез и универсальных методик, тщательным разработкам и точным расчетам, новейшему анализу имеющихся данных и более строгой аргументации. Ученые постоянно меняют устаревшие формулировки на те, которые лучше отвечают требованиям современной науки. Каждая новая теория, разработка или формула считаются более совершенными, потому что они имеют больше шансов оказаться правильными и еще на один шаг приближают человека к искомой истине.

Иными словами, у сферы организованных знаний всегда есть будущее. Если все существующие на данный момент научные гипотезы и решения были бы окончательными и неоспоримыми, то вряд ли мы могли бы говорить о какой-либо перспективе. А раз история, естественные науки и математика имеют будущее — это означает одно: каждый отдельно взятый «корпус знаний» относится к области сомнений, а не уверенности.

Я сознательно заключил в кавычки словосочетание «корпус знаний», поскольку слово *знание* обладает двумя значениями. То же самое справедливо для слова *мнение*. Многим читателям — тем, кто приучен к мысли, будто научные знания не представляют собой ни набора случайных мнений, ни предмета веры, а являются последней

истиной, — признание неоднозначности этих двух терминов поможет преодолеть шоковое состояние, когда они, к своему ужасу, обнаружат, что и история, и естественные науки, и математика все-таки лежат в области сомнений.

Для начала рассмотрим значение слова *знание*, которое приводилось чуть выше. В этом значении *знание* не может быть ложным. Оно бесспорно, окончательно и истинно, а значит, его можно с полным правом отнести к зоне уверенности. Назовем это строгим значением термина *знание*.

Слову *знание* в его строгом значении противоположно слово *мнение* в слабом значении. Когда мы используем термин *мнение* в таком значении, мы имеем в виду суждения, строящиеся на личных предпочтениях или предрассудках человека. У такого мнения не существует эмпирического или рационального обоснования, и мы не можем поддержать его при помощи тщательно подобранных доказательств или логических рассуждений. У нас нет никаких оснований полагать, что такое мнение имеет большую вероятность оказаться верным, чем любое другое.

Мы предпочитаем мнения, привлекающие нас не на рациональном, а на эмоциональном уровне. Наши предпочтения произвольны. Это эмоциональные порывы, не зависящие от внешних обстоятельств. Учитывая, что мы можем в любой момент по собственной прихоти изменить свою точку зрения на противоположную, подобные мнения занимают самую нижнюю ступень в области сомнений.

Между этими двумя крайностями располагаются слово *знание* в его слабом значении и слово *мнение* в его строгом значении. Суждения, связанные с такими случаями, нельзя назвать произвольными. Чтобы их придерживаться, мы располагаем всеми разумными основаниями, мы в состоянии оценить их вероятность, учитывая доступные нам на данный момент свидетельства и собственные рассуждения — то есть проведя наиболее соответствующие данному времени анализ и интерпретацию доказательств.

«На данный момент», «соответствующие данному времени» — это означает, что в будущем мы можем получить дополнительные или уточняющие доказательства, а также усилить и расширить собственную аргументацию. В таких случаях, как мы уже видели, суждения относятся

к области сомнения. С одной стороны, у них есть оттенок мнения, потому что в будущем они могут оказаться ложными, с другой стороны — признак знаний, потому что на *данный момент* мы полагаем их истинными. Эти суждения находятся вне пределов обоснованного сомнения, но все-таки над ними витает некая тень неуверенности, поскольку у них есть будущее.

Читателю, внимательно следившему за ходом моих рассуждений, может показаться, что область уверенности представляет собой пустую территорию. Если это не верно, то что мы можем в ней обнаружить — какого рода суждения?

Ответ на этот вопрос имеет отношение не только к нашим здравым представлениям о повседневной жизни, но и к нашим философским умозаключениям, и нашим размышлениям об исследованиях в области математики и некоторых естественных наук.

Самый яркий пример познания — в том значении слова *знание*, которое мы определили как строгое, — дают нам именно самоочевидные истины. Мы называем их самоочевидными, поскольку для их подтверждения ничего не требуется: ни собирать доказательства в их пользу, ни выстраивать логические рассуждения. Мы сразу признаём истину самоочевидной, так как понимаем и принимаем то, что она утверждает. Мы уверены в ее правдивости и не нуждаемся, чтобы нас убеждали в ее справедливости, потому что даже не представляем, что противоположное утверждение может быть истинным, более того — мы даже не в состоянии помыслить о чем-то, что противоположно этой истине.

Самоочевидная истина — не тавтология и не бессмысленная банальность вроде: «Треугольник имеет три стороны». Поскольку у треугольника не может быть больше трех сторон, что вытекает из самого термина, то выражение теряет всякий смысл. Чего не скажешь о другом выражении: «Треугольник не имеет диагоналей» — это уже не тавтология, но самоочевидная истина, несущая важную информацию.

Самоочевидность второго утверждения проистекает из нашего понимания, что треугольник имеет три стороны, а диагональ — это отрезок, соединяющий две несмежные вершины. Мы знаем, что все углы треугольника смежные, а значит, диагональ в нем провести нельзя.

Понимание термина *диагональ* позволяет нам сразу увидеть, сколько диагоналей можно провести в правильном многоугольнике. Количество диагоналей N можно вычислить по формуле: $N = n \times (n - 3) / 2$, где n — число вершин многоугольника.

В каких-то ситуациях, как в случае с утверждением, что у треугольника нет диагоналей, самоочевидность истины проистекает из нашего понимания терминов. Но иногда самоочевидные истины основаны на понятиях, которым невозможно дать сколько-нибудь осмысленное определение, например «часть» и «целое».

Мы не можем истолковать, что такое *часть*, не ссылаясь при этом на термин *целое*, и не можем дать определения *целому*, не используя термин *часть*. Тем не менее мы осознаём суть этих слов, что не позволяет нам представить, как часть физического объекта может быть больше его целого. Целое всегда больше своей части — этот факт не только истинный, но и самоочевидный.

Такой же самоочевидной истиной является утверждение, что объект не может одновременно существовать и не существовать, не способен в одно и то же время обладать и не обладать одними и теми же характеристиками. Еще одна самоочевидная истина — это активность и пассивность объекта. Только фактически существующий объект может активно влиять на другие объекты или сам быть пассивным объектом влияния. Вероятность дождя не может промочить вас до нитки, а вероятность зонта не защитит от сильного ливня.

Что вы думаете о положении Декларации независимости, утверждающем: «Все люди созданы равными»? Это самоочевидная истина? Разумеется, в этой фразе слово *созданы* отнюдь не является очевидным, поскольку подразумевает лишь одно: люди *сотворены Богом*. Однако само существование Всевышнего, как и акт творения людей, — обстоятельства, требующие доказательств, а потому могущие вызывать сомнения. Теперь предположим, что это положение сформулировано иначе: «Все люди равны по природе своей». Как следует его толковать, чтобы оно оказалось самоочевидной истиной?

Главным образом мы должны понимать слово *равный* как «не обладающий лучшими или худшими характеристиками». Словосочетания *все люди* и по *природе своей* мы трактуем как «все человеческие

существа» и «представители одного вида». После такого толкования равенство становится самоочевидным. Ни одно человеческое существо не может считаться в большей или меньшей степени человеком, чем другое. Каждый человек так или иначе обладает характеристиками, присущими всем представителям вида *Homo sapiens*. Неравенство между индивидами может объясняться степенью выраженности таких характеристик, но не степенью принадлежности к человечеству.

Я посвятил так много времени этому примеру не только потому, что мы еще вернемся к нему в следующих главах, в которых рассматривается идея равенства, но и потому, что принцип равенства всех людей довольно часто оспаривается. Например, Аристотель утверждал, что одни люди по природе своей рождены свободными, а другие — рабами, а одно из проявлений мужского шовинизма — утверждение, бытующее и в наши дни, будто женщины ущербнее мужчин.

Я думаю, истинность утверждения о равенстве людей можно защитить от всех заблуждений, но ведь самоочевидная истина не нуждается в доказательствах, не так ли? Следовательно, слова из Декларации независимости не лучший пример самоочевидной истины, хотя само положение, несомненно, правдиво.

Еще одна группа суждений, относящихся к зоне уверенности, — это очевидные — но не самоочевидные — истины. Мне не нужно выводить собственное существование из своего умения мыслить, как это делал Декарт*. Я воспринимаю свое существование непосредственно, равно как и бытие других физических объектов вокруг меня. Если относительно этого суждения и может существовать хоть какое-то сомнение, то оно заключается лишь в том, подвержен ли я галлюцинациям или нормально воспринимаю реальную действительность.

---

* Рене Декарт (1596–1650) — французский философ и ученый, один из основателей философии и науки Нового времени. Речь идет о декартовском утверждении из философского трактата «Рассуждение о методе» (1637): «Мыслию, следовательно, существую» (лат. *Cogito, ergo sum*) — фундаментальном постулате западного рационализма.

Коль скоро я не страдаю галлюцинациями, у меня не может быть сомнений в реальном существовании объектов, которые я воспринимаю непосредственно. Правда, от полной уверенности подобное утверждение отделяет небольшой нюанс: вероятность того, что сам процесс моего восприятия может быть неадекватен.

Другой вопрос — существуют ли объекты моего восприятия тогда, когда я их не осознаю? Лично я предпочитаю думать, что это так. Ответ на него не является ни очевидным, ни самоочевидным. Для того чтобы доказать правильность того или иного ответа, потребуются логические аргументы.

Когда мы начинаем рассуждать о фактическом существовании объектов, находящихся вне нашего восприятия в настоящий момент, об их реальности в другое время и в другом месте или об их характеристиках, мы переходим из области уверенности в зону сомнений. Наши органы чувств гораздо реже ошибаются, чем память, но и ощущения, и воспоминания могут стать основой неточных или даже неверных выводов.

Суждения относительно наших воспоминаний и результатов восприятия обычно относятся к деталям — передо мной один предмет, а не другой, я помню это событие, а не то. Мы также склонны делать обобщения на основании нашего непосредственного опыта восприятия. Чаще всего мы настаиваем именно на тех суждениях, которые представляют собой обобщения собственного жизненного опыта. Многие из них в итоге оказываются безосновательными, так как мы применяем частные критерии для описания общих ситуаций. Даже научные обобщения в некоторых случаях дают слишком завышенную оценку. История науки знает много примеров, когда такие обобщения впоследствии опровергались противоречащими им новыми открытиями.

Опровержения такого рода дают нам еще один пример суждений, которые принадлежат к области уверенности. Когда вдруг единственный черный лебедь опровергает традиционную точку зрения, будто лебеди бывают только белыми, — наша приобретенная уверенность в ошибочности этого мнения представляет собой *знание* в строгом значении этого слова, то есть бесспорное, истинное и окончательное.

Ни одно событие в будущем уже не сможет снова доказать, что в мире существуют исключительно белые лебеди.

Количество самоочевидных истин незначительно, а вот опровергнутых обобщений — как бытовых, так и научных — гораздо больше. Число очевидных истин, мнение о которых мы составляем на основе собственного восприятия, просто огромно. Но при сравнении зоны уверенности и зоны сомнения важно не количество, а тот факт, что суждения, относящиеся к области сомнений, имеют будущее. Будущее, в котором мы можем не только стремиться к истине, но и однажды достичь ее.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Mifbooks

Mifbooks

Mifbooks